

с точки зрения строгого сенсуализма обычно признается это превращение, эта противоположность между „физиологическим“ пространством наших чувственных ощущений и наших представлений и чистым „метрическим“ пространством, которое мы полагаем в основу геометрии. Последнее основывается на допущении равнозначности всех мест и направлений, тогда как для первого существенно как раз различие мест и направлений и выделение одних среди прочих. Осязательное пространство, равно как и зрительное не-изотропно и не-гомогенно, тогда как метрическое Евклидово пространство характеризуется постулатом изотропии и гомогенности. Физиологическое время обнаруживает при сравнении с „метрическим“ те же самые характерные отклонения и разности значения: между непосредственным ощущением длительности—подчеркивает даже *Мах*—и числовой ее мерой нужно проводить такое же отчетливое различие, как между ощущением тепла и температурой ¹⁾).

С особенной отчетливостью выявляется эта противоположность между субъективным, „феноменальным“ пространством и субъективным, „феноменальным“ временем с одной стороны и объективно-математическим пространством и объективно-математическим временем с другой стороны, если обратить внимание на одно присущее обоим определение, которое на первый взгляд представляется как общее обоим.

¹⁾ *Мах* (50, стр. 331 сл., 415 сл.). Если вместе со *Шлик*ом (79, стр. 51 сл.) обозначают физиологическое пространство ощущения и представления, как пространство воззрения и противопоставляют ему физическое пространство, как логическую конструкцию, то против этого, как чисто терминологического определения, ничего нельзя возразить: надо только остерегаться тогда смешения этого употребления слова „воззрение“ с *кантовским*, основанном на совершенно иных предпосылках. Если *Шлик*, понимая, что объективное физическое время имеет также мало общего с воззрительным переживанием длительности, как трехмерный порядок объективного пространства с воззрительными переживаниями оптической или галтической протяженности, усматривает „ядро истины“ в кантовом учении о субъективности времени и пространства“, но с другой стороны, исходя из этого различия, борется против кантова понятия „чистого воззрения“ (ср. 80, стр. 297 сл.), то это основано на психологическом непонимании смысла и содержания кантовых понятий. Пространство и время чистого воз-

О том и о другом мы обыкновенно высказываем признак *непрерывности*: но, если взглядеться пристальнее, мы в каждом случае разумеем под этим нечто совершенно различное. Та непрерывность, которую мы приписываем времени и становлению, исходя из формы нашего переживания, и та, которую мы определяем в математических понятиях в силу определенных конструктивных методов анализа, не только не совпадают друг с другом, но отличаются друг от друга, как раз своими существенными основными моментами и основными условиями.

Непрерывность переживания говорит о том, что всякое временное содержание всегда дано нам в виде определенных характерных „целостей“, не допускающих никоим образом растворения в последних простых „элементах“—аналитическая непрерывность требует как раз сведения к таким элементам. Первая берет время и пространство, как „органические“ единства, в которых согласно аристотелю определению „целое предшествует частям“: вторая видит в них лишь *совокупность*, хотя бы бесконечную, частей, особых, резко друг от друга отграниченных *временных точек*.

В одном случае непрерывность становления обозначает это живое течение, данное нашему сознанию всегда лишь, как течение, как переход, а не разрозненным и расколотым на дискретные части;—во втором от нас требуют, чтобы мы продолжали именно это разложение, выходя за пределы всякого эмпирического представления; чтобы мы не прекращали

зрения никогда не являются для Канта ощущаемым и воспринимаемым пространством или ощущаемым и воспринимаемым временем, но всегда „математическим пространством“ и „математическим временем“ Ньютона; они сами в такой же мере порождения конструкции, в какой они являются предпосылкой и основой всех дальнейших математически-физических конструкций. „Чистое возвращение“ играет у Канта роль совершенно определенного основополагающего *метода объективирования*: оно никоим образом не совпадает с „субъективным“, т. е. психологически - переживаемым временем и с психологически-переживаемым пространством. Когда Кант говорит о субъективности пространства и времени, то под этим никогда не разумеется субъективность переживания, но „трансцендентальная“ субъективность, как условие возможности самого „объективного“, т. е. объективирующего эмпирического познания. (Ср. также меткие доводы *Селлина* против Шлика; 81, стр. 19, 39).